

Крылов

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/krilov/aihenv_krilov.html.

Большинство произведений Крылова имеют лишь исторический интерес; самая личность его тоже привлекает к себе не сочувственные, а только внимательные и удивленные взоры, и грузная масса равнодушия, какую представлял собою ленивый и сонный старик, никогда не будет обвеяна в потомстве дыханием любви. Но басни его, басни, эта национальная быль, одинаково затверженная дедами и внуками, ярко расцветившая собою наш обеденный разговор, - вот что сделалось любимым достоянием русского народа. Как их автор, Крылов у нас" - единственный, ни на кого не похожий, никем не повторенный. Они проникнуты особою незабываемой выразительностью, и ее, с внешней стороны, достигает наш писатель какой-нибудь неожиданной и богатой рифмой, звукоподражанием, аллитерацией, переходом от многосложной строки к двухсложной или тем, что, в своем художественном лаконизме, центр логической и нравственной мысли он сжато заключает в одно слово или в один стих, короткий, но многозначительный ("и стал осел скотиной превеликой", "друг этот был лиса", "то были два осла"). Иногда он мимоходом, даже без отношения к главному сюжету, в спокойно-ироническом тоне, набрасывает целую бытовую картинку, например в басне "Муха и дорожные":

Гуторя слуги вздор плетутся вслед шажком;
Учитель с барышней шушукуют тишком;
Сам барин, позабыв, как он к порядку нужен,
Ушел с служанкой в бор искать грибов на ужин...

Иногда у него - красивый и поэтический пейзаж: с вершины кавказских гор видел орел излучистые реки, цветущие луга и рощи, -

А там сердитое Каспийско море,
Как ворона крыло, чернелось вдали.
Иногда он скажет с изящным остроумием:
Насытил злость комар; льва жалует он миром:
Из Ахиллеса вдруг становится Омиром
И сам
Летит трубить свою победу по лесам.

И какое счастье, что его басни облечены именно в эту живую форму! Что, если бы их мораль, старинная и почтенная, звучала без иронии, без улыбки, без шутливости, - тяжелая, как фигура самого Крылова? Но нет, в проказливой меткости своего стильного языка, в оболочке своей фабулы и лукавой характеристики, они легки, игривы, задорны, и они живут - искристые, свежие, звонкие, - как живет сама жизнь, сама житейская мудрость.

Однако житейская мудрость не есть самое высокое и ценное в мире. То, что проникнуто ею, стелется по земле и не служит идеальным запросам духа. Крылов, любивший в юности посещать базары и шумные площади, разлил по своим произведениям большой и богатый жизненный опыт, и если послушаться его басен, принять их мораль, приобретенную на рынке житейской суеты, то можно хорошо приспособить себя к действительности. Не этому учат великие учителя. Этому учить и вообще не приходится, так как на приспособление к жизни сами собою, без чужого Поощрения, направляются заботы каждого. Отсюда басня поневоле мелка.

Да и потому, что она толкует о животных, о растениях, о вещах, она не может вместить в себя человеческой многосторонности и тонкости. Есть, конечно, особая красота в самом приближении к элементарности и наивности существования, в самом замысле не дать людям зазнаться, упростить сомнительную сложность людских отношений, свести ее к немногим и бесхитростным линиям басни и воскресить полузабытое исконное родство человека и животных, для того чтобы в ряде примеров и притч разобрать на отдельные нити всю психологическую ткань жизни. Но этой цели достигнуть нельзя, потому что и для такого художника, каким был Крылов, мир людей и мир животных остаются несоизмеримы. Широкие и крупные штрихи, которые применяет басня, не соответствуют разнообразной игре человеческой физиономии и души в ее наиболее интересных и глубоких проявлениях. Басня только